

УДК 1 : 34

ЧЕЛОВЕК И РОД: ОТ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА К ПРАЙДОВОМУ

Панищев А.Л.

*Курский институт социального образования (филиал)**Российского государственного социального университета, Курск*

Подробная информация об авторах размещена на сайте

«Учёные России» - <http://www.famous-scientists.ru>

В данной статье рассматриваются виды права в их историческом развитии. В конце работы выделяется понятие прайдового права. Понятие *прайд* взято из мира хищных животных, однако используется применительно к тем сообществам людей, в которых степень раскрытия естественного права и развития позитивного права минимальны.

В качестве исходной парадигмы для развития положений данной работы обратимся к дефинициям естественного и позитивного (положительного) права. В цивилизованных государствах всякая легитимная власть опирается на *позитивное право*, фиксирующееся в правовых документах и гарантирующемся государством. В то же время в философии права наряду с позитивным правом выделяется *естественное право*, которое основывается на *ап-риорных* формах мирозерцания, т.е. на чувстве нравственного, справедливого; в определённом смысле – это право человеческое, ибо в нём проявляется и утверждается человеческая природа. Степень развитости позитивного права определяется мерой его соответствия естественному праву.

Вместе с тем важно отметить, что, несмотря на то, что естественное право служит субстанциональной основой для позитивного, представление о приоритете первого над последним сложилось лишь в первых веках нашей эры. Здесь следует учесть то, что идея естественного права органично связана с представлением о самоценности внутреннего мира человека. Предпосылки к появлению таких представлений сложились в греческой античной философии, ранее же идеи самоценности отдельно взятого человека не имелось. В принципе в период родовых отношений таких представлений не могло быть по ряду причин. Во-первых, в данном случае уместно привести следующую цитату из научного исследования К.Г. Юнга: «Всемогущая коллективная установка создала, так сказать, невозможность всякой объек-

тивной психологической оценки индивидуальных различий, равно как и вообще научного объективирования индивидуальных психологических процессов» (Юнг К. Г. Психологические типы. С-П.: Ювента, М.:Пресс-Универс, 1995. с. 37). Этот факт означает то, что всякая индивидуальность как источник права должна была подчиняться требованиям рода. Во-вторых, род, не зная позитивного права, организовывал свой житейский уклад на основе естественного права, или чувстве законного. Это чувство находило своё выражение в форме традиций, норм, обычаев, представителем которых являлся вождь или царь. В этом смысле слова, «царь, согласно общим представлениям, высшая фигура... он становится носителем мифа, то есть выражения коллективного бессознательного» (Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. Таинство воссоединения. Минск: ООО «Харвест», 2003, с. 252). В значительной мере на этой установке, утверждающей то, что именно царь представляет свой народ перед людьми и перед богами, основывалось авторитарное правление первого. Кроме того, естественное право есть органичная часть коллективного бессознательного, поэтому исключались противоречия между властью вождя и чувством законного, справедливого.

Первые попытки оформить чувство справедливого в виде юридических законов, придать этому чувству характер объективности предпринимались ещё в Шумеро-Аккадском государстве. Наиболее ярким тому примером служат законы царя города Ура Ур-Намму (XXII в. до. н.э.) или

же ещё более известный свод законов вавилонского царя Хаммурапи (1792-1750 гг. до н.э.). В последнем своде мера наказания устанавливалась не частным лицом на основе субъективных доводов, а государственным институтом права на основе объективного закона. Однако государства Междуречья, несмотря на периоды кратковременного могущества и расцвета, оказались весьма дробными. С одной стороны, существовало множество факторов, которые должны были бы объединить общество междуречья, например: общий язык (арамейский язык и его диалекты), общая система письма (клинопись), общая религия (например, с середины II тыс. до н.э. - зороастризм). Однако в действительности восточным царям значительные силы приходилось тратить на подавление сепаратизма в своих странах. Так, одно из первых государственных объединений – Шумеро-Аккадское царство – просуществовало, как единое государственное образование, примерно одно столетие, и даже в период своего расцвета при царе Саргоне (2236-2200 гг. до н.э.) лишь силой, а подчас и жестокостью, сохраняло свою политическую и экономическую целостность. Собственно говоря, и последующие страны Междуречья также не отличались единством. Неудивительно, что когда Александр Македонский начал свой поход, то империя Ахеменидов уже распалась, а царский род был в сложном окружении клановых интриг своих придворных. Государство Селевкидов, образовавшееся на обломках империи Александра Великого, просуществовало весьма непродолжительное время. Те проблемы, с которыми сталкивались династии Ахеменидов или Селевкидов, сопровождали правление как предшествующих им династий, так и последующих. В принципе иначе и быть не могло. Восточное законодательство основывалось не столько на логике, сколько на принципах господствующего рода, что делало законы, издаваемые центральной властью, неприемлемыми для иных родов и, наконец, культур. Родовой закон не мог учесть всего разнообразия культур, которые входили в поле его власти.

В лоне другой культуры – древнегреческой – характер соотношения пози-

тивного и естественного права принципиально не отличался от того, что наблюдалось в родоплеменном укладе восточных культур. Конечно, законодательство греческих полисов основывалось на единых культурно-религиозных принципах, которые были прописаны и объективированы для понимания. Однако представления о личности по-прежнему отсутствовали, а индивидуальность подчинялась законам полиса. Фактически принципы рода были вытеснены принципами полиса, что по существу не повлияло на представление о месте человека в аксиологическом ряду. Данное положение дел нашло своё выражение в законодательстве Солона, в котором человек законодательно обязывался к участию в политической жизни полиса. Если же индивид проявлял безразличие к политической борьбе партий за власть в полисе, то он лишался гражданства и, следовательно, мог стать рабом. С точки зрения грека, истинный человек по своей природе не мог быть политически нейтральным, поэтому система законов была призвана сохранить природу человека как вида бытия. Безусловно, греки фактически отвергали право человека быть свободным в политическом смысле слова. Такая косная система законов, подавляющая индивидуальность и не признающая самооценку внутреннего мира человека, достаточно ярко проявилась в софистике, которая, хотя и, по словам Протагора, была призвана утвердить субъективное мировоззрение человека в качестве меры истинного, но в действительности была поставлена на службу логике позитивного права. К 399 г. до н.э., когда Афины переживали поражение в Пелопонесской войне со Спартой, был казнён Сократ, что придало большую очевидность кризиса культуры античной Греции. Сам Сократ, отказавшись бежать, спасти свою жизнь, лишь подчеркнул приоритет буквы закона над человеческим чувством нравственного, справедливого.

В период римского господства на Средиземноморье сложились весьма чёткие представления о государстве и законе, но вместе с тем общественная система по-прежнему подавляла отдельно взятого человека. В Риме о нравственном облике ин-

дивида судили в соответствии с мерой его законопослушности, патриотизма, выраженности чувства гражданской ответственности. Согласно римским законам, самым тяжким преступлением являлось действие, направленное не против частного лица, а против государства. За государственные преступления виновного карали смертью. Другими словами, в Римском государстве позитивное право доминировало. Тем не менее нельзя однозначно утверждать, что в Риме совершенно отсутствовали представления о значимости индивидуальной жизни человека. Например, даже диктатор, наделённый широкими правовыми полномочиями, почти полным империем, не имел права казнить гражданина в пределах города Рима. Этот символический факт указывает на то, что в римском обществе стали формироваться представления о соотношении интересов государства с ценностью жизни отдельно взятого гражданина.

Одной из возможных причин складывания представлений об индивидуальности стала римская религия, которая была обращена не к обществу, как целостному организму, а к семье, как основной ячейке социума. Французский исследователь Фюстель де-Куланж пишет: «Всякий дом имел своих богов; всякий бог покровительствовал только одной семье и был богом только в одном доме» (Фюстель де-Куланж "Гражданская община древнего мира" Санкт-Петербург, 1906, с. 35). Действительно, каждая римская семья в своём доме имела алтарь, её глава совершал перед ним свои семейно-религиозные обряды, в ход которых никто, даже царь, не имел права вмешиваться. Данный фактор указывает на то, что римские правители не пытались унифицировать культуры народов Апеннин, как это делали цари востока. В Риме общество консолидировалось не на основе религиозных идей, культурных установок, а на основе юридического закона, который был объективен и одинаков для всех граждан Рима. Здесь ради исторической справки следует заметить, что в период ранней республики плебеи добились значительных правовых полномочий и их социальное отличие от патрициев стало формальным.

Итак, Рим строил свой авторитет не только на основе силы, но и на основе уважения к культуре рода. Римские законы не касались религиозной жизни своих граждан: они были призваны регулировать отношения между частными лицами, между государством и его гражданами. Лишив род политической самостоятельности, Рим сохранил за ним право на своё вероисповедание, свои традиции и обычаи. Более того, эта религиозно-культурная самостоятельность рода защищалась законом, или позитивным правом. Ряд исследований в зарубежной и в отечественной исторической науке подтверждают широкую самостоятельность рода (Немировский А.И. История раннего Рима и Италии, М.: Воронеж: Воронежский университет, 1962, с. 132). Следовательно, в Риме господство позитивного права было поставлено на службу сохранения естественного права. Однако источником естественного права был скорее не индивид, а семья и род. Пока Рим мог обеспечить сохранение связи поколений в пределах фамилии, или рода, его государственность имела значение; когда же эта функция перестала выполняться, а семейные боги были преданы забвению, крах Римской империи стал неизбежным.

Установление в начале I века империи и наделение Октавиана именем Август положило начало обожествлению императора и неограниченному произволу государственной власти как гаранта действительности позитивного права. Соответственно, назначение последнего было искажено, подчинено воле одного человека. С 23 г. Октавиан получил абсолютный империй и стал главой государства, считая носителем власти не закон, а самого себя. Впервые право полного империя получил не главнокомандующий, а глава государства. Этот факт указывает на то, что, если ранее произвол, причём несколько ограниченный, позитивного права допускался в экстремальных случаях, то с установлением империи он стал нормативным. Фактически достоинство каждой конкретной семьи было попорно, римлянам предложили заменить родовых богов одним государственным богом в лице императора. Такое положение дел вело Рим к краху, суть ко-

того хорошо выражена в словах умирающего императора Веспасиана: «Увы, я, кажется, становлюсь богом». Действительно, платой за обожествление императора стала гибель западно-римского государства.

Однако одной из причин, ускорившей падение Рима, стало зарождение и последующее распространение новой религии – христианства, которое внесло кардинальные изменения в характер соотношения позитивного и естественного права, заставило пересмотреть их основы и задачи.

В первую очередь, важно обратить внимание на то, что в христианском богословии в ходе анализа понятий *сущность* и *ипостась* впервые сложилось понятие личности. Ни в древнегреческом, ни в латинском языках нет слова, переводимого как *личность*. Латинское слово *persona* имеет значение *маски* и отражает как театральную, так и социальную роль человека. В римском праве сложилось понятие *частного лица*, однако оно не выражало уникальности человека, идеи его самодостаточности. Формирование идеи личности привело к складыванию представлений о самооценности человека, что находит своё проявление в словах Священного Писания: «Разве вы не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живёт в вас... храм Божий свят; а этот *храм* – вы» (1-е Послание коринфянам, 3 : 16-17). В христианстве человек, являясь высшим творением Бога, рассматривался в первую очередь как духовное существо, ему придавалось метафизическое значение, его сущность рассматривалась в качестве надмирной. Человек, согласно христианскому богословию, имеет гораздо более высокое положение, нежели предметный мир, ибо мыслится как возможный сонаследник Царства Божия. Соответственно, людям, согласно богословско-религиозным взглядам, не следует соотносить свои действия с принципами логической целесообразности, организации временных государственных образований, ибо «дружба с миром есть вражда против Бога» (Послание Иакова, 4 : 4).

Естественным результатом таких установок стало отвержение безусловности авторитета императора. Христианин – это

не тот человек, который слепо повинуется указам правителя, не вдаваясь в их моральную оценку; христианин действует согласно велениям своей совести, чувству справедливого, нравственного, а именно: в соответствии с естественным правом, источником которого является его имманентный мир. Император же имеет право на власть лишь постольку, поскольку его духовный облик соответствует установкам христианской антропологии.

Христианство разрушало не только прежние представления о государстве; оно также размывало основы рода, сделав невозможным реставрацию республики, возвращение к старым римским семейным богам. Христианское общество не нуждалось в механизмах сохранения родовых традиций, ибо смысл жизни человека понимался уже не через призму его места в роду, а в силу его сотворённости по образу и подобию Бога.

Легализация христианства была вполне закономерным процессом. Римское государство с первых веков нашей эры замыкается в самом себе, а установление империи подчёркивает ориентацию государства на решение внутренних дел, а также идею завершенности государственного развития. С того момента, когда Октавиан Август объявил в Сенате о начале «золотого» века, смысл в дальнейшем укреплении государства исчез. Вместе с ним исчез и смысл жизни гражданина, жившего лишь ради государства и выполнения гражданского долга – служения земным идеалам. Прежние родовые ценности к началу новой эры были вытеснены государственными, и, хотя по-прежнему сохранялись понятия о чести семьи и рода, они уже не являлись столь действенными, ибо функционировали не в системе родовых отношений, а в системе государственных институтов, в которых не сложилось представления о чести личности. Таким образом, гражданин Римской империи не видел смысла в жизни. Государство превратилось в выхолощенный механизм, который незачем было защищать. В.С. Соловьёв для доказательства этой позиции обращается к истории и замечает, что когда Римская империя достигла своего могущества, то обнаружилась «совершенная пустота

этого величия, безнадёжная скудость этого воплощённого разума. Пришлось поставить вопрос: к чему всё это и что же дальше?» (Соловьёв В. Духовные основы жизни // Соловьёв В.С. Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1998., с. 261). Неудивительно, что во время нападения на Рим Аллариха в 410 г. почти никто из римлян не стал на защиту "вечного города". Культура, в лоне которой нет «двери» в метафизическое бытие, превращается в придаток материального мира, беспощадный, слепой, как и всякий естественный закон.

Падение Рима в 476 г. было закономерным, неизбежным явлением. В последующее время в области позитивного права образуется своего рода «пустота», т.е. на протяжении нескольких столетий не действовало ни одно из крупных законодательств. Законы римского права лишились какого-либо значения вместе с гибелью Западно-Римской империи. Этот период был временем естественного права. Безусловно, это не означает, что в эпоху раннего средневековья государственные законы отсутствовали. Например, у франков существовало Солическое право. Однако оно было основано на старых родовых, языческих традициях. Так, в пятом веке Солическое законодательство разрешало применение магии, что противоречило и нормам христианства, и логике позитивного права. Ни одно государство не смогло организоваться на базе законов, подобных солическим.

Фактически в эпоху раннего средневековья монарх только в том случае имел возможность возглавить народ, когда по своему духовному облику соответствовал нормам христианства. Если же деяния правителя не укладывались в библейские нормы, то подданные имели право такого правителя отвергнуть и отказаться состоять у него на службе. (Конечно, эту мысль нельзя абсолютизировать, ибо здесь речь идёт об общей тенденции.) Так, согласно народной испанской легенде, в начале XIII века, когда на Пиренейском полуострове высадились мавры, христианские воины не желали воевать за вестготского короля Родриго. Они, в силу данной воинской клятвы, предпочли погибнуть в битве с мусульманами, однако самого короля они

не желали защищать, поскольку он совершил страшное злодеяние – погряз честь благородной девушки. Король же в битве искал не победы, а своей смерти, и, не найдя её, сам себя похоронил в склепе одного христианского отшельника. Однако – это легенда, но тем не менее она не лишена определённого смысла.

В период царствования Карла Великого наблюдалось особенно сильное, интенсивное взаимодействие между королевской (светской) и папской властью, или, выражаясь словами Августина Блаженного, между градом земным и градом небесным. На протяжении всего правления король стремился подчеркнуть свою религиозность: его капитулярии (указы, распоряжения) были сборниками не только законов, но и проповедей; в организованном им учёном кружке, получившем название Академии, король носил прозвище Давид в честь библейского благочестивого царя. В то же время Карл Великий значительно внимание уделял государственному праву. В 789 г. по всей империи вводится каролингский минускул – шрифт латинского письма. Унификация письма свидетельствует о стремлении сделать законодательство объективным, имеющим силу позитивного права. Тем не менее законы, издаваемые императором, как правило, соответствовали не только требованиям позитивного права, но и христианским ценностям, а их смысл раскрывался в ходе субъективного духовного переживания. Например, в VIII веке не каждый человек видел смысл в овладении грамотой, в необходимости образования, однако указы Карла Великого предписывали обязательное обучение детей всех свободных людей. Разумеется, в раннем средневековье грамотность не всегда имела практическое значение, но стремление к овладению знаниями способствовало духовному обогащению человека, утверждению его самооценности. В 800 г. Карл Великий вошёл в Рим и заставил Папу короновать себя императорской короной. Этот акт придавал его правлению не только светскую, но и религиозную силу, окончательно санкционировал его власть. Неудивительно, что его имя в латинизированной форме –

carolus – стало в Восточной Европе титулом «король».

В последующем взаимодействии папской и светской власти прослеживается их отдаление друг от друга. Многие философы средневековья, такие как Роджер Бекон (1214-1292), Дунс Скот (1265-1308), выступали за чёткое разделение юрисдикции церкви и государства. В гносеологии сложились дуалистические учения, допускавшие онтологическую самостоятельность двух миров: духовного и вещественного. Так, если церковь предлагала жизненные ориентиры духовного мира, то государству следовало организовать жизнь человека в соответствии с принципами последнего. Даже в представлениях об истине не было однозначных мнений. Например, классик христианской схоластики Фома Аквинский выделяет два вида истины: томистская истина и логическая истина. Томистская истина – это соответствие разума действительности, но не той, которая естественно существует, а действительности, созданной Богом. Несмотря на то, что мыслитель подчёркивал главенство первой относительно логической истины, такое понимание истины и путей её познания предполагает тенденцию к объективации знания, к приданию ему научного характера. Научность же знания есть важнейшая предпосылка к развитию позитивного права.

Собственно говоря, в учении Фомы Аквинского уже прослеживается осознание процесса отделения позитивного права от естественного. Мыслитель выделяет вечное право, под которым понимается совокупность общих божественных принципов правления миром. Вечное право является источником естественного права, существующего благодаря сопричастности Богу. Естественное право – это вечное право, понимаемое человеческим умом. Оно вневременное, неизменное и имеет разумный характер, то есть доступно лишь разумным созданиям, которые познают его при помощи собственного интеллекта. Наконец, философ выделяет человеческое, или позитивное право, суть которого сводится к применению принципов естественного права к общественной жизни. Оно выводится из вечного права не непосред-

ственно, а опосредованно и является изменяемым, хотя и сохраняет в себе некоторые постоянные элементы. Так вот, логическая истина имплицировалась к позитивному праву, которое стало рациональным принципом человеческого государственного бытия. Этот принцип, противоречащий природе человека, оказался непрелым условием для общежития людей. Действительно, Ф.М. Достоевский прав, считая, что «ни один народ ещё не устраивался на началах науки и разума» (Достоевский Ф.М. Бесы // Собр. соч. в 12 т., т. 8, М., 1982, с 243). Логика позитивного права вытесняет чувство справедливого, постигаемого человеком в своём субъективном духовном опыте; идея истины постепенно вытесняется идеей полезности. Такая логика рассчитана на стандартное, объективное восприятие и оценивание событий. В конечном итоге, происходит болезненный разрыв естественного и позитивного права, в ходе чего последнее лишается своего нравственного ядра и принимает характер морально нейтральной системы предписаний, при этом уподобляясь природному процессу, происходящему согласно слепому естественному закону. В столь сильном разрыве естественного и позитивного права последнее своей омертвелостью фактически провоцирует разгул животной стихии в человеческом сообществе.

Нетрудно заметить, что все три вида права в учении Фомы Аквинского взаимосвязаны и субординационно подчинены вечному праву. Однако важен сам факт выделения трёх видов права, поскольку это есть своего рода условие для последующего их дистанцирования относительно друг друга, для расщепления представлений о правовом поле, или, используя терминологию Эмпедокла, для выделения в *сфайросе* общих понятий, идей, обладающих определённой мерой автономии. Именно выделение универсалий (общих понятий) является предпосылкой к утрате целостности организма, взаимосвязи между мыслью и поступком. В данном случае формулировка идеи *позитивного* и *естественного права* стала фактически основой для их отдаления друг от друга.

Следует отметить, что осознанное вычленение из чувства справедливого по-

нятия *закона* свидетельствует, с одной стороны, о дробности мировосприятия средневекового общества, а с другой стороны, - о кризисе нравственного сознания, которое стало нуждаться в «костылях» позитивного права. Закономерным результатом фрагментарного мировоззрения в средневековой культуре стало решение Саусонского собора (в 1292 г.), на котором официальная Церковь в споре об универсалиях между номиналистами и реалистами поддержала последних. Фактически произошло утверждение расщепленности восприятия универсалий в трёх состояниях. Во-первых, в его предсуществовании, т.е. в мыслях Бога. Во-вторых, в его явлении в предметном мире, точнее сказать - в государственной жизни. В-третьих, в образе, который остался в сознании человека после распада универсалии права как определённой материи (в данном случае социально-правовой материи). Собственно говоря, в реализме оформилось вычленение закона из природы человека, установление отношений между законом и индивидом, при котором они мыслились в качестве самостоятельных, независимых друг от друга категорий бытия. Если традиционный христианский мир ориентировал деятельность человека на внутренние требования совести, то установки Саусонского собора предопределили подчинение человека законам, исходящим из области предметного мира, например из позитивного права. Поэтому не вызывает удивления то, что после решения Саусонского собора стал меняться характер общественных отношений. Ориентация деятельности человека на объективное позитивное право привела к размыванию основ феодализма, при котором отношения между сеньором и прикрепленными к его феодам крестьянами регулировались произволом первого, пусть даже и санкционированным центральной властью. Без сомнения, при таком укладе король обладал минимумом власти в отношении сеньоров, которые даже армии имели подчас более многочисленные и технически оснащённые, чем королевские. Приоритет же позитивного права существенно ограничивал произвол отдельных лиц, мера власти которых относительно своих подчинённых стала опре-

деляться королевскими законами. Таким образом, в XIII столетии в Европе сложились условия для складывания государств современного типа.

Значение приоритета положительного права весьма велико и до сих пор актуально. Позитивное право по своему существу есть адаптация духовного человека к естественному закону природы, есть попытка органично вжиться в неё. Между тем «дружба с миром есть вражда против Бога» (Новый Завет, Послание Иакова, 4 : 4). Проблема состоит в том, что мир сей лежит во зле, которое не имеет собственной онтологической действительности и обречено на небытие. Позитивное же право определило такой принцип, при котором стало возможно рациональное устройство общежития индивида, но оно при этом блокировало проявление в человеке субъективного, индивидуального осмысления себя в мире. Понятие законопослушности отныне стало вытеснять идею духовности, определив норму человечности не в его внутреннем мире, а в том, насколько он выполняет писанный закон и избегает того, что противоречит последнему. В результате складывается ситуация равнозначности нравственного и безнравственного (пусть и юридически законного) поступка. Например, если индивид участвует в съёмках порнографического фильма, который разрешён к прокату юридическим законом, то это действие расценивается как нормативное; и когда другой человек отказывается от участия в грязных сценах, то его выбор может расцениваться как проявление собственного решения, являющегося таким же правом, как и согласие сниматься в непристойных киносъёмках. В подобной обстановке зависимость от вредных привычек, личной распущенности вполне уместно объяснить тем, что все люди разные: одному нравятся, например, курение, а другому – нет. Нравственного же поступка в действиях этих двоих не существует, поскольку каждый из них находится в правовом поле. Иначе говоря, нравственный, так же как и безнравственный, волевой акт подменяется юридическим законом. Действие же, раскрывающее в человеке духовную чистоту, фактически приравнивается к такому

поступку, в котором индивид по сути теряет человеческий облик.

Такая особенность сложилась ещё в римском праве, которое имело своей целью отнюдь не спасение души человека для жизни в метафизическом мире. Римское право (*ratio scripta – писанный разум*) признаёт факт несовершенства человека в том виде, в каком он есть, и призвано организовать его жизнь, проистекающую в настоящем времени, в данном мире. Римское право выражает стремление организовать жизнь индивида не по духовному закону, чувство которого в человеке существует априорно, а по принципам, являющимся, в сущности, подражанием законам естественной среды. При таком положении дел государство признаёт за каждым человеком право на смерть, в том числе и духовную. Власть в условиях приоритета позитивного права следует принципу, гласящему, что каждый имеет то, что заслуживает. При этом упускается из виду то, что в соответствии с такой законной справедливостью Бог давно бы подверг наказанию мир за его злонравные деяния. Иначе говоря, из отношения власти к народу вычленяется принцип любви. Государство становится как бы производным от народных масс, их продолжением, в котором, как говорится, «каждая кухарка должна научиться управлять государством». Эта республиканская форма государственной жизни, прельстившая людей идеями либерализма, социализма и демократии, сняла духовную ответственность властей за их государственные деяния. Главное же – республика в своём содержании постулировала идею свободы, однако не отвечала на вопрос о её смысле. Т.В. Торубарова, современный исследователь, справедливо пишет: «Всегда есть соблазн воспринимать свободу прежде всего как свободу человека» (Торубарова Т.В. О сущности человеческой свободы в немецком классическом идеализме. – СПб., 1999, с.19). Это восприятие свободы для человека и во имя человека оставило последнего в состоянии самозамкнутости, оторванности от Бога. Республика как форма государственного устройства санкционировала свободу человека вне духовности, то есть ту свободу, которая превращается в самоцель, пора-

бошающую собой индивида. Власти же, будучи частью народа, не в силах выступать против свободных устремлений последнего. То, что республика предполагает единство власти с народом и единство человеческого общества с принципами естественного мира, отражается и в самом слове *республика* (*res publica*), обозначающем *совокупность дел своей гражданской общины*. В античном Риме, который задал основы положительному праву, республика никогда не рассматривалась римлянами в качестве отчуждённого от народа аппарата власти, поскольку республика должна была воплощать волю всего народа, а чиновники являлись лишь представителями общих гражданских интересов. Для объективизации же логики природного миропорядка, имплицированной на жизнеустройство человеческого социума, понадобилось позитивное право.

В России же государство всегда довлело над обществом и отвечало за реформы в сфере последнего, неизменно являясь инициатором их проведения. Основным источником права мыслился не документ, а, в первую очередь, человек, отвечающий перед Богом за свой народ. Так, в XVII столетии власть помещика регулировалась естественным правом, которое основывалось на религиозных убеждениях и на авторитете независимой от государства церкви. Каждый царь, независимо от своих нравственных качеств, соотносил свои поступки с мнением патриарха. Однако упразднение в 1703 году патриаршества и утверждение в 1721 году Синода, который, как подметил В.С. Соловьёв, в сущности являлся «министерством духовных дел православного вероисповедания», привело к секуляризации общества и утверждению неограниченной власти императора. Последующими же императорами начинания Петра I лишь укреплялись. С XVIII века произошёл раскол в русской элите – в наиболее образованных слоях общества: на защитников православия и на сторонников западноевропейского уклада жизни. Последних нельзя было назвать атеистами, но они фактически постулировали тот житейский уклад, в котором роль Церкви была минимальна, а духовный мир подменялся буквой закона. Неудивительно, что в Рег-

ламенте (Уставе духовной коллегии) записано: «Монархов власть есть самодержавная, которым повиноваться сам Бог за совесть повелевает». Поэтому-то можно утверждать, что в условиях царской России источник власти правителя исходил не от того религиозного наследия, в котором вырабатывались ясные представления о природе человека, а от самого правителя, оторванного от культурной и религиозной жизни нации. Фактически позитивное право представлялось самодостаточным и основывалось не на естественном праве, а на индивидуальном произволе. Причём правление на местах по характеру было идентично центральному. Так, в период царствования Екатерины II помещичья власть относительно крестьянства стала абсолютной, ибо, согласно указам императрицы, помещик имел полное право по собственному усмотрению отправлять своих крепостных в ссылку на работы в рудники Сибири, а крестьяне не были вправе жаловаться на барина. Формально крепостничество в последней четверти XVIII в. мало чем отличалось от рабства. По существу, гегемония власти, как главного гаранта соблюдения естественного права, привело к жёсткой иерархии, бесследно не исчезнувшей и после крушения царской власти. Даже, когда в 1917 году события проходили по инициативе народных масс, её весьма быстро, оперативно переняла государственная власть, оставив обществу лишь иллюзию обладания функциями государственного правления. Возможно, в том числе и по этой причине, ряд исследователей (например, В.В. Кожинов) считают, что в России нет развитого общества как самостоятельной силы, способной быть значимым партнёром для государства. Оно всегда своей мощью подавляло всякий частный интерес. (Кожинов В.В. Победы и беды России. М., 2002, с. 30). Собственно говоря, римские основы гражданского устройства, ориентированные на логичность и объективность, были переняты Петром I, которого митрополит Антоний точно назвал «большевиком на троне» (Великие духовные пастыри России. Под ред. А.Ф. Киселёва. М., 1999, с. 451).

Болезненный разрыв естественного права и позитивного, проходивший на фо-

не интенсивного развития последнего в Западной Европе, в конечном итоге привёл к краху империи (1917 год). В представлениях нации, характерной чертой которой была религиозность, действия царской власти, министров, промышленников породили раскол в миропонимании, оторванность сущности от объекта. Так, М. Горький в «Несвоевременных мыслях» пишет: «Вы жалуетесь, что народ разрушает промышленность!... В его глазах промышленность – хитрый механизм, ловко приспособленный для того, чтобы сдирать с потребителя семь шкур...» (Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре; Рассказы. М.: Современник, 1991, с. 37). В результате стремление к власти, привычка к правлению, граничащему с несправедливостью, жестокостью – причём на фоне официального провозглашения православия основой национальной идеологии – привели к вырождению христианских ценностей, а, следовательно, к дезинтеграции общества, волне насилия, с особой силой проявившейся в первые годы после революции.

Советское правительство, провозгласившее народную власть, по существу была попыткой организовать общественное бытие людей на основе естественного права, ради будущего утверждения которого на некоторое время допускался диктат определённого класса и даже конкретного лица. В результате на фоне зачаточного состояния естественного права в культуре не было выработано развитое позитивное право.

Вместе с тем невозможно представить общество без объективных принципов регулирования межличностных, межклассовых отношений. Необходимость в правовом регулировании поведения людей заложена в человеческой природе. Если обратиться к антропологическим воззрениям И. Канта, то в них выделены такие *задатки* человеческого существа: задатки животности; задатки человечности (рассудка); задатки личности. Первая составляющая представляется стремлением к самосохранению, продлению рода, а также к общению. Вторая компонента сводится к формам, или моделям социального поведения. Задатки человека как личности за-

ключаются в его способности «воспринимать уважение к моральному закону *как сам по себе достаточный мотив произвола*» (Кант И. О сосуществовании злого принципа с добрым, или об изначальном злом в человеческой природе // Кант И. Собр. соч. в 6 томах Т. 4, Ч. 2. – М., 1965, с. 27-29). Первые две составляющие этически нейтральны, но по воле человека могут принимать аморальные формы: например, стремление к продлению рода подчас оборачивается блудом, а формы поведения в обществе подчас принимают характер немотивированной агрессии, злобы, смешиваются с чувством зависти, нездоровой конкуренции, а также правовыми или внеправовыми действиями. Однако задатки человека как личности, заложенные априорно, всегда связываются с чувством морального, а в контексте философии права – с естественным правом. Это чувство может остаться в неразвитом, зачаточном состоянии, но вместе с тем оно способно раскрыться, охватить все грани человеческой жизни. Позитивное право призвано способствовать раскрытию качеств человека как *личности*, т.е. развёртыванию задатков, изначально, доопытно существующих в природе человека. Это априорное знание естественного права в синтезе с задатками человечности обязывала индивида к выработке моделей правового поведения в обществе. Тем не менее при господстве задатков рассудка над задатками личности происходит вырождение человеческой природы в механизм, слепо подчиняющийся букве закона. В данном случае право вырождается в совокупность законов, которые, в отличие от права, могут быть направлены на утверждение зла. В современной истории немало примеров, когда законодательство смешивалось с аморальностью и бесовщиной. Так, некоторые государственные министры правительства Руанды прямо призывали народ к уничтожению народа тутси. Например, премьер-министр Жану Камбанде, министр информации Элиезера Нийитегека прямо призывали народ к этническим чисткам против тутси. Вызывает негодование приказ о массовом осквернении женщин тутси, который отдала женщина-министр Паулин Нийрамасухуко. Подоб-

ные приказы и даже законы издаёт и правительство Судана против христианских народов, проживающих на юге и юго-западе этой страны. Самым ужасающим является то, что люди, как правило, следуют таким законам, сохраняя тем самым законопослушность, но, по сути, прекращая быть людьми. Эта законодательная система санкционирует право на бесчестье и высвобождает все животные инстинкты, которые в синтезе с воображением, как психической функции, и со спекулятивным рассудком приводят к диким, страшным поступкам.

Недостаточная выраженность естественного права, болезненное состояние правосознания не позволяют обществу представить в сознании развитое позитивное право и, соответственно, выработать действенное законодательство. Поэтому-то формируется иной тип права, который я бы условно назвал *прайдовым правом*. Полагаю, что введение этого понятия в философско-правовой понятийный аппарат обоснованно. Данная дефиниция непосредственно связана с понятием *прайд*. Это понятие употребляется в отношении группы или стаи хищных животных, живущей на определённой территории и имеющей лидера. Цель объединения животных в прайд состоит в их биологическом выживании. Характеризуя общество людей, не принято использовать слово *прайд*. Однако в истории человечества существуют такие кризисные периоды, когда «очеловеченность» людей минимальна, соответственно, степень проявления, раскрытия естественного права весьма ограничена, а позитивное право, хотя формально присутствует, но оно не- или малоэффективно. В таком сообществе человеческих существ правовое поведение основано на лидерстве конкретного лица в определённой группе. Здесь источником власти выступает большое сознание индивида, в котором минимальна мера раскрытия естественного права и априорного содержания в целом. Характер законов прайдового права основан на искажённом видении миропорядка и принципов морали. Единство государства в условиях распространённости прайдового права условно и поддерживается однородностью правовой

обстановки на своей территории. Однако внутренне страна оказывается разделённой на регионы, в которых господствует определенный прайд. Такие регионы невозможно назвать административными единицами, – это скорее прайдовые территории, где действуют законы, которые в цивилизованном обществе определяются как законы криминального мира.

В сообществе людей, охваченных прайдовым правом, отсутствует стремление к решению общегосударственных задач; мировоззрение характеризуется узостью, а представления о духовности почти вырождены. Соответственно, развитие личности в данных условиях немислимо. Главная угроза прайдового права заключена в его стремлении отвергнуть такие качества, как благородство, благочестие, доброта, т.е. качества, без которых очеловечение индивида невозможно. Вместе с тем в прайдовом праве поступки, приводящие к вырождению человека как духовного существа, представляются нормативными. Здесь следует обратиться к таким словам Н.А. Бердяева: «В подсознательных погребах каждого человека, в его низшем «я» есть безобразное, уродливое, потенциально преступное, но важно отношение к этому эго высшего «я» (Бердяев Н. Самопознание // Русская идея, М.: АСТ, 2002, с.571). По сути, отвержение духовности есть жизненно важная основа прайдового права, ибо первое [духовность] противостоит ему, а нравственное растление служит основой для его функционирования, для слепого подчинения приказам лидеров прайдов.

В условиях господства прайдового права особое значение в жизни нации имеет её способность сохранять человеческое лицо на фоне произвола отдельных лиц. Эта способность может выражаться в сознательном, волевом отказе от действий, которые допустимы с точки зрения прай-

дового права, но преступны в контексте позитивного права и аморальны в свете естественного права. Тем не менее эта способность сама по себе, хотя и предохраняет человека от духовной деградации, но не способствует росту правосознания и оздоровлению общества в целом. Поэтому для эффективной борьбы с прайдовым правом столь необходимы сила и гибкость позитивного права, его органичная связь с естественным правом, восприятие последнего как абсолютной ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бердяев Н. Самопознание // Русская идея, М.: АСТ, 2002.
2. Великие духовные пастыри России. Под ред. А.Ф. Киселёва. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 1999. – 496 с.
3. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре; Рассказы. М.: Современник, 1991.
4. Кант И. О сосуществовании злого принципа с добрым, или об изначальном злом в человеческой природе // Кант И. Собр. соч. в 6 томах Т. 4, Ч. 2. – М., 1965. – 5-58 с.
5. Кожинов В.В. Победы и беды России. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 512 с.
6. Соловьёв В.С. Духовные основы жизни / Избранные произведения. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 122-275.
7. Торубарова Т.В. О сущности человеческой свободы в немецком классическом идеализме. – СПб.: Наука, 1999. – 261 с.
8. Фюстель де-Куланж Гражданская община древнего мира. Санкт-Петербург, 1906.
9. Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. Таинство воссоединения. Минск: ООО «Харвест», 2003. – С. 576.
10. Юнг К. Г. Психологические типы. С-П.: Ювента, М.: Пресс-Универс, 1995. – С. 725.

HUMAN AND TRIBE: FROM NATURAL LAW TO PRIDE ONE

Panishchev A.L.

Kursk institute of social education (branch) of the Russian state social university, Kursk

This article is devoted to the observation of different kinds of law in their historical development. The work leads to the *pride's law* concept, which can be seen in the final part of the work. The term of *pride* has been taken from predator life, but is being used applying to the society of people, which has minimum of natural law activation and positive law development.